

НАВСТРЕЧУ 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КОННОВ

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии
Московского государственного института
международных отношений (университета)
МИД России,
Москва, Россия;
e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

АРТЕМ АНДРЕВИЧ КОСТРИГИН

кандидат психологических наук,
научный сотрудник лаборатории истории психологии
и исторической психологии Института психологии
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: artdzen@gmail.com

Позиционирование и восприятие психологии в советском научном сообществе: по материалам академических архивов 1970–1980-х годов

УДК: 001.89

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-1-7-23

Следуя методологии интеллектуальной истории, авторы ставят задачу сформировать контекстуальное понимание развития советской психологии в период 1970–1980-х гг. Решение этой задачи создает возможность охарактеризовать ключевые высказывания, составлявшие

дискурс психологии этого периода, в качестве действий в социально-политическом поле. Возможный путь к ее решению открывают сохранившиеся стенограммы заседаний академических структур, на которых обсуждалась работа психологов. В статье рассматриваются стенограммы двух заседаний, посвященных результатам проверок Института психологии АН СССР (ИПАН), — первое из них состоялось в 1976 г. в бюро отделения философии и права, второе — в 1983 г. в президиуме. Сопоставление стенограмм позволяет выделить две темы. Первая из них — различие в положении психологии в сообществе ученых-гуманитариев и в научном сообществе в целом. Обсуждение в отделении философии и права демонстрирует, что специалисты-гуманитарии были преимущественно ориентированы на взаимодействие с идеологией как с точки зрения расширения поля ее влияния, так и усиления ее позиций внутри научных дисциплин. Стратегия роста психологии за счет получения практически применимых результатов, которую продвигал директор ИПАН Б.Ф. Ломов, воспринималась в этом контексте с определенным скепсисом. В то же время в президиуме, в котором преобладали представители естественно-научных специальностей, эта стратегия расценивалась как наиболее очевидная. Вторая тема — перемена в общественно-политическом фоне, заметно повлиявшая на самовосприятие советских ученых. Если стенограмма 1976 г. передает общее ощущение уверенности в собственных силах, то документ 1983 г. характеризуется тревожностью, усиливаемой постоянными сравнениями с США, отставание от которых расценивается как критическое. На фоне различий, которые можно выделить в рамках двух обозначенных тем, стратегия Б.Ф. Ломова в продвижении психологии оказывается устойчивой, не подверженной существенным изменениям ни под влиянием различий в окружении, ни под влиянием смены общественно-политического фона.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, Институт психологии АН СССР, психология и общество.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-78-10123.

Формирование интеллектуальной истории научной дисциплины предполагает совмещение двух перспектив — интерналистской и экстерналистской, иначе говоря, объединение внутренней логики ее содержательного развития с влиянием на этот процесс социального и политического контекста. Возможно, наиболее конструктивным на сегодняшний день является в этом плане подход, предложенный кембриджской школой интеллектуальной истории. Этот подход предлагает рассматривать любое научное высказывание как действие, совершаемое в социальном поле, но при этом обусловленное актуальной на данный момент лингвистической структурой дисциплины, которая создает возможности для одних высказываний и делает невозможными другие [Кембриджская школа, 2018]. Сложность этого подхода заключается в том, что главный предмет рассмотрения — научный текст — по самому жанру требует от авторов исключить из него следы внешнего «ненаучного» влияния. В то же время документы, характеризующие ход дел в науке с политической или экономической стороны, как правило, обходят содержательные вопросы науки или же затрагивают их схематично.

Исключение составляют документы, которые отражают взгляд самих ученых на организационные вопросы своих дисциплин и таким образом совмещают две перспективы. В свою очередь, среди них наиболее интересны не заранее подготовленные тексты, а выступления, которым присуща определенная спонтанность — интервью, устные реплики, коллективные обсуждения. Такого рода выступления передают живую речь участников и дают представление о том, что реально волновало ученых в их повседневной деятельности в тот или иной период. И в этих текстах особенно отчетливо проступает искусственность разделения истории науки на «внешнюю» социальную и «внутреннюю» содержательную.

Предмет рассмотрения настоящей статьи — стенограммы заседаний, на которых слушались доклады академических комиссий, осуществлявших проверку работы Института психологии АН СССР (ИПАН) за пятилетние периоды. Эти комиссии проверяли содержательную, а не хозяйственную или финансовую сторону работы, и, так как они формировались из ученых широкого круга специальностей, результаты их работы дают представление о том, как психология выглядела в глазах советского научного сообщества. Фактически они отражали взгляд профессионального исследователя, способного оценить работу института по некоторым «общенаучным» критериям, но не вовлеченного во внутренние технические вопросы психологических исследований.

Стенограмм две — 1976 и 1983 г. Каждая из них представляет интерес сама по себе, однако их сопоставление дает возможность проследить две тенденции, которые не видны в ином случае. Первая тенденция связана с тем, что сами проверки организовывались, а их результаты заслушивались разными инстанциями — отделением философии и права в 1976 г. и президиумом в 1983 г. Таким образом, в одном случае и доклад проверочной комиссии, и реакция на него отражали восприятие психологии специалистами гуманитарных специальностей. А в 1983 г. комиссия и слушатели представляли срез всех дисциплин, как гуманитарных, так и естественно-научных. Характерная разница между этими перспективами предопределяется среди прочего тем, что если для отделения главная инстанция, которой подспудно адресованы все ее заключения, — это, собственно, стоящий над ней в академической иерархии президиум, то для последнего определяющей задачей является формирование благоприятного восприятия науки в глазах вышестоящих политических учреждений, которые в большей или меньшей степени представляют взгляд общества в целом. В результате в одном случае мы имеем дело с внутринаучным, а в другом — с общественным имиджем психологии и, соответственно, получаем возможность проследить различия между ними.

Вторая же тенденция — это то, как состояние дел в науке изменилось под влиянием перемен в общественно-политической ситуации за семь лет, прошедших между заседаниями. Если брежневские 1970-е гг. были периодом, по крайней мере внешне, стабильным, то в 1980-е гг. практически во всех сферах общественной жизни стало явным нарастание кризиса. И как раз на 1983 г. приходится короткий период андроповского правления, когда в контрасте с брежневской эпохой государственная политика практически открыто становится антикризисной. Естественно, эта ситуация прямо отразилась на науке в целом и на психологии в частности.

Отделение и президиум: от идеологии к экономике

Отделение философии и права было фактически главным идеологическим отделением Академии наук, и, ожидаемо, главным дискуссионным вопросом в обсуждении ИПАН становится идеологическая работа в институте.

При этом важно заметить, что директор ИПАН Б.Ф. Ломов в своем выступлении, открывающем заседание, сводит идеологические вопросы к минимуму, акцентируя внедрение исследовательских результатов, полученных институтом. По сути дела, он берет на вооружение стиль аргументации, распространенный среди советских ученых-естественников, которые, не пытаясь реально интегрировать идеологические тезисы в свои исследования, приводили их в качестве необходимого формального дополнения, а как главный аргумент в пользу государственной поддержки своих работ акцентировали практическую отдачу. В этом смысле показательно, что, когда Ломов говорит об идеологии, он использует стандартные закругленные фразы, в то время как при описании практически значимых результатов в его речи появляются отступления и детали — складывается впечатление, что это то, о чем он действительно хотел бы сообщить¹.

Но стенограмма показывает, что этот подход не является органичным для его аудитории. Как характерную иллюстрацию можно привести реплику из следовавшего за выступлением Ломова доклада главы комиссии, проверявшей институт, юриста М.С. Строговича относительно внедрения результатов исследовательской работы: «Здесь спорить нечего, внедрены или не внедрены. Мне как юристу просто завидно было, потому что мы, юристы, стараемся внедрять наши достижения в практику, и очень трудно удается показать и самому убедиться, что то, что внедрено, действительно результат нашей работы, а, может быть, это результат совокупности целого ряда факторов»². Это замечание, сделанное, в общем-то, в пользу института, тем не менее содержит определенный скепсис. Внедрение результатов гуманитарных исследований с документальным подтверждением эффекта определенно является необычным, и ироничное описание Строговичем собственных безуспешных попыток убедиться в результативности научной работы, по сути, выражает сомнение по поводу уверенности коллег-психологов в собственных результатах.

После же выступления Строговича обсуждение быстро переходит в идеологическое русло. Старт этой теме дает присутствующий на заседании А.Н. Леонтьев, действительный член Академии педагогических наук, ранее ее вице-президент, а с 1966 г. декан факультета психологии МГУ. Именно он акцентирует внимание на том, что «в задачу головного института входит не только очерчивание наиболее важных проблем, стоящих перед психологической наукой, но, что очень важно, также и забота о надлежащем марксистско-ленинском подходе к решению этих проблем»³. И, по его наблюдениям, в психологической науке существуют тенденции, которые могут создавать помехи решению этой задачи: «Под влиянием мощного развития

¹ Доклад Б.Ф. Ломова на заседании Бюро Отделения философии и права АН СССР, 30 марта 1976 г. (Научный архив Института психологии Российской академии наук (ИП РАН). Ф. 16. Оп. 3.2. Д. 215).

² Стенограмма заседания Бюро Отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. (Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159. Л. 10).

³ Там же. Л. 46.

психологии (прежде всего я имею в виду развитие в психологии в капиталистических странах и крупнейшей из них — США), под влиянием серьезных положительных достижений мы оказываемся, так сказать, в контексте влияний, которые дают о себе знать (я не боюсь об этом сказать вслух на Отделении) в известной мере и в советской науке. Я имею в виду влияние старого и новейшего позитивизма в первую очередь»⁴.

Остроту этому замечанию придает то, что в советской идеологии позитивизм имеет исключительно негативное звучание. Например, в работе «Основы марксистско-ленинской философии», подготовленной под руководством присутствующего на заседании академика Ф.В. Константинова, «новейший позитивизм» характеризуется следующим образом: «Объективная социальная роль неопозитивизма состоит в насаждении мировоззренческого скептицизма и нигилизма, в отрицании самой возможности научного мировоззрения»⁵. В своем же выступлении Леонтьев проводит прямую связь между позитивизмом и системным подходом: «Иногда читаешь литературу (я делаю оговорку — не психологическую) и видишь то, что называют порой системным подходом, структурным подходом или системно-структурным подходом. Я бы сказал, — это не марксизм, а из репертуара неопозитивистского структурализма»⁶. Упоминание структурализма фактически сводит на нет сделанную ранее оговорку о психологической литературе: структурализм также расценивается в советской философии как негативное явление, — представление, сложившееся в том числе в результате критики французского философа-марксиста Л. Сэва, о котором Леонтьев говорит в продолжение своего выступления — он обозначает как «прокол» то, что Сэв не был упомянут в обзорных работах ИПАН. Сэву же принадлежит статья «О структурализме», опубликованная в журнале «Проблемы мира и социализма» — международном издании коммунистической партии, игравшем роль официальной доктрины. В статье структурализм определяется как «антидиалектическая альтернатива марксизму», которая развивается в первую очередь в психологической науке [Сэв, 1971, с. 82–83]. И, конечно, для аудитории профессиональных идеологов, к которой обращается Леонтьев, не составляет труда считать эти смысловые связи.

Представления Леонтьева и Ломова о надлежащем направлении развития психологии определенно расходятся: Леонтьев — последовательный теоретик-марксист, считающий марксистскую философию реальным фундаментом для психологических исследований, в то время как Ломов продвигает в качестве базовой теории системный подход, который заявляется как марксистский, но реальные идейные корни которого пролегают достаточно далеко от марксизма.

В советском контексте такого рода теоретические споры осложнялись положением официальной идеологии, которое прямо исключало плюрализм научных теорий, характеризуя его как «антинаучное измышление»⁷. Это делало фактически невозможным открытое признание противоречий между двумя линиями, представ-

⁴ Там же. Л. 48.

⁵ Основы марксистско-ленинской философии. 2-е изд. М.: Политиздат, 1972. С. 498.

⁶ Стенограмма заседания Бюро Отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. (АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159. Л. 54).

⁷ Диалектический и исторический материализм / Общ. ред. С.М. Ковалева. М.: Политиздат, 1971. С. 174.

ляемых Леонтьевым и Ломовым, и их параллельное развитие. От лидеров психологической науки ожидалось выдвижение какой-то одной теории, соответствующей марксистской доктрине и утверждаемой в качестве единственно верной.

Указания Леонтьева на связь системного подхода с позитивизмом не лишены определенных оснований, однако эта критика не находит поддержки у главных идеологических фигур, присутствующих на заседании. Выступающие после Леонтьева философы М.Б. Митин и Ф.В. Константинов, оба выпускники Института красной профессуры, прямо поддерживают Ломова⁸. В принципе, они следуют уже закрепившейся в официальной доктрине трактовке, согласно которой системный подход расценивается как полностью совместимый с марксизмом. Примером может служить книга сотрудника аппарата ЦК КПСС В.П. Кузьмина, считавшегося партийным куратором психологии, с показательным названием «Принцип системности в теории и методологии К. Маркса» [7].

Подытоживающий заседание А.Г. Егоров берет на себя примирительную роль. Он не оставляет без внимания замечания Леонтьева, отмечая, что занятие «узко конкретными проблемами» создает «почву для позитивистских наклонностей, которые дают уже о себе знать в психологии»⁹, и добавляет, что, хотя в институте и «идет критика метафизических позиций буржуазных психологов», «до классового анализа мы не доходим»¹⁰. Но при этом общая оценка института — определенно положительная, что отражено также и в изданном по итогам постановления¹¹.

На заседании президиума в 1983 г. ситуация другая. Ключевые персоналии здесь — председательствующий вице-президент Академии наук радиофизик В.А. Котельников и глава комиссии, проверявшей институт на этот раз, академик Д.М. Гвишиани — заместитель председателя Госкомитета по науке и технике и директор Всесоюзного НИИ системных исследований. Помимо этих формальных регалий, Гвишиани был главной фигурой системного движения, сложившегося вокруг идеи перевести гуманитарные науки на математико-статистическую основу. Ломов, продвигая собственный «системный подход» в психологии, в определенном смысле также принадлежал к этому движению и, таким образом, по крайней мере на уровне взглядов на роль теории систем, они с Гвишиани были союзниками.

Главный же дискуссионный вопрос на этом обсуждении — практическая отдача от психологических исследований. За период, прошедший между заседаниями, Ломов опубликовал в «Вестнике АН СССР» три статьи, посвященные именно практической стороне психологических исследований [Ломов, 1979; 1980; 1981]. В этих публикациях упоминания идеологии опять же носят формальный и неприоритетный характер. Так, в статье «Психология в системе наук и общественной практике» идеологическая функция упоминается на последнем, шестом месте в перечне функций психологии [Ломов, 1979, с. 37], а в статье о проекте государственной психологической службы идеологические задачи напрямую вообще не упоминаются [Ло-

⁸ Стенограмма заседания Бюро Отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. (АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159. Л. 64–65).

⁹ Там же. Л. 73.

¹⁰ Там же. Л. 86.

¹¹ Постановление Бюро Отделения философии и права АН СССР «О научной деятельности Института психологии АН СССР» 30 марта 1976 г. (АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 156. Л. 17–25).

мов, 1980]. Доклад Ломова на президиуме выдержан в том же духе, и большую часть направлений работы института он характеризует через связанные с ними практические проблемы: социальная психология упоминается в связи с текучестью кадров¹², проблема деятельности освещается на примере изучения работы операторов¹³, вопрос психофизиологических различий — в контексте отбора специалистов¹⁴. Говоря же о своей профильной специальности, Ломов приводит прямую денежную оценку полученных результатов: «Реализация практических рекомендаций, разработанных на основе инженерно-психологических исследований, дает экономию порядка двух миллионов рублей»¹⁵.

На этот раз выступление полностью соответствует настрою аудитории, которую интересует именно практическая отдача от психологии, а замечания в адрес института касаются почти исключительно недостаточного участия психологии в решении прикладных задач. Гвишиани, выступающий после Ломова, говорит о необходимости более интенсивного развития таких связанных с его собственными профессиональными интересами областей, как моделирование психологических процессов, искусственный интеллект, управление народным хозяйством¹⁶. Котельников, в свою очередь, задает вопрос о способности психологии внести вклад в борьбу с пьянством, причем именно в связи с экономическими потерями от этого явления. А затем интересуется, как психология может помочь с решением проблем трудовых коллективов, с уточнением, применяются ли такие наработки в самом институте? На последнюю часть вопроса Ломов отвечает отрицательно, заметив, что в психологии «обязательно, чтобы испытуемый был невинным человеком, который не понимает наших проблем». Вице-президент откликается колкостью: «Значит, на психологов ваша наука не распространяется!»¹⁷

Вопрос академика-секретаря отделения ядерной физики М.А. Маркова начинается с «философских проблем психологии», но интересует его, по сути дела, прикладной вопрос — прогнозирование¹⁸. М.А. Стырикович, бывший академик-секретарь отделения энергетики, спрашивает про психологию потребления¹⁹. Подытоживает эту линию юрист В.Н. Кудрявцев, который, обращаясь к Котельникову, констатирует: «Вы подняли более общую проблему, которая сводится к тому, что у нас очень низка культура психологических знаний во всех сферах. Это можно начать с промышленности, кончая направлением агитации и пропаганды, потому что психологических знаний по существу нет»²⁰.

Таким образом, на этом заседании Ломов имеет дело с аудиторией, которая в полной мере разделяет представление о психологии как о преимущественно при-

¹² Стенограмма заседания Президиума АН СССР. 26 мая 1983 г. (АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864. Л. 65–66).

¹³ Там же. Л. 69.

¹⁴ Там же. Л. 71, 75.

¹⁵ Там же. Л. 71.

¹⁶ Там же. Л. 85–88.

¹⁷ Там же. Л. 107.

¹⁸ Там же. Л. 96.

¹⁹ Там же. Л. 98.

²⁰ Там же. Л. 108.

кладной науке, обладающей серьезным потенциалом практического применения. Единственный же, кто говорит на этом заседании об идеологии, — это выступающий последним академик-секретарь А.Г. Егоров. Среди прочего он фактически повторяет свое замечание семилетней давности о «классовых основах»: «Институт, конечно, выпускает работы, разоблачающие буржуазную идеологию, но делается это пока без должной целеустремленности, до разоблачения корней буржуазной идеологии они обычно не доходят»²¹. Неизменность интересов академика-секретаря в данном случае показательна — ее можно рассматривать как довод в пользу того, что разница в качестве обсуждений связана именно с тем, что они проходят в разных подразделениях академии, а не вызвана исключительно общественно-политическими переменами за прошедшие семь лет. Однако сравнение двух стенограмм указывает и на существенный перелом ситуации, который произошел за этот короткий по историческим меркам срок.

Семидесятые и восьмидесятые: от уверенности к тревоге

Перемена настроения ученых — это, пожалуй, наиболее яркое впечатление, которое оставляет сравнение двух стенограмм. В 1976 г. общий настрой — уверенность в собственных возможностях. Вероятно, она несколько преувеличена браваурным стилем, традиционным для собраний советской эпохи, но нужно заметить, что выступающие, в принципе, не идеализируют существующее положение дел и открыто указывают на множество реальных проблем. Ощущение уверенности складывается из отношения к этим проблемам: они решаемы, хотя и требуют напряжения сил и некоторой помощи со стороны вышестоящих инстанций.

Как важный успех Ломов представляет сам факт начала полноценной работы недавно созданного ИПАН: «Фактически институт начал формироваться в конце 1972 года <...> В завершающем году пятилетки (1975. — *Прим. авт.*) закончился первый этап формирования института». И, по его оценке, «прошедший период был весьма трудным, т. к. институт начинал развитие от нуля»²². Из главных трудностей — недоукомплектованность штатов и плохое состояние помещений. Недостаток кадров создает сложности в том числе и в решении приоритетной технической задачи — установки компьютеров и обеспечения их работы: «Так, ЭВМ у нас обслуживают 10 человек, а по рекомендациям завода-изготовителя для трехсменной работы требуется 28 человек»²³ — сухое замечание, за которым стоит факт, что специалистам приходится работать за троих. О проблеме же с размещением эмоционально говорит М.С. Строгович: «Я обошел все эти помещения, и у меня до сих пор остается очень тяжелое впечатление, хотя времени прошло достаточно. Машины находятся на ул. Вавилова, люди, которые работают на этих машинах, люди со Стромынки ездят для того, чтобы работать на этих машинах. Само помещение на Стромынке, которое им дали, — это жилой дом, из которого выселены жильцы, потому что дом качается, трещит по швам и проживать в нем нельзя. В этом доме работают сотруд-

²¹ Там же. Л. 114.

²² Доклад Б.Ф. Ломова на заседании Бюро Отделения философии и права АН СССР, 30 марта 1976 г. (Научный архив ИП РАН. Ф. 16. Оп. 3.2. Д. 215. Л. 3–4).

²³ Там же. Л. 23.

ники Института психологии, а машины там, конечно, разместить нельзя, потому что грузная машина может принести серьезные повреждения»²⁴.

Но именно эти сложности придают вес заявлению Ломова: «Можно сказать сейчас, что основы экспериментально-технической базы мы создали, хотя еще много вопросов требует решения. И эта база в общем-то не уступает мировым стандартам»²⁵. Реакция же отделения отражена в принятом по итогам заседания постановлении — просить президиум академии выделить ставки, доведя общее число сотрудников до 120–150 (против существующих 96), и предоставить дополнительное здание²⁶.

И, как показывает стенограмма 1983 г., эти и другие запросы были по большей части удовлетворены. Здесь Ломов говорит уже о 139 научных сотрудниках. О помещениях разговор не заходит, но, как известно, в 1978 г. ИПАН занял собственное здание на Ярославской улице. Однако из сравнения докладов Ломова 1976 и 1983 гг. вытекает, что, несмотря на эти улучшения, общая ситуация, наоборот, усложнилась. К примеру, если в 1976 г. Ломов считал, что институт «обладает экспериментально-технической базой» «мирового уровня», будучи при этом оснащенным преимущественно отечественным оборудованием — как о наиболее важном аппарате в институте Ломов говорил о советской ЭВМ ЕС-1020, — то теперь он фактически признает отставание и зависимость от зарубежной техники.

В этом смысле стенограммы служат иллюстрацией нарастания, возможно, главной технологической проблемы Советского Союза — компьютерной. Фактически до конца 1960-х гг. советская вычислительная техника развивалась в значительной мере автономно, и среди специалистов сохранялась убежденность в том, что они могут обеспечить внутренние потребности в вычислительных машинах собственными силами. Однако в течение десятилетия отставание становилось все более явным — и в технологических решениях, и особенно в программном обеспечении.

Итогом стало решение отказаться от собственных разработок в пользу копирования компьютеров IBM, для которых уже существовала обширная база программ [Малиновский, 1995, с. 270–271]. Это решение официально подтвердило распространявшееся ощущение, что СССР проигрывает в технологической конкуренции с США.

Восприятие США как все более угрожающего конкурента отчетливо просматривается по стенограммам. На заседании 1976 г. главный стратегический противник упоминается дважды. Первый раз — Леонтьевым, который говорит о том, что наблюдается мощное развитие американской психологии, требующее пристального внимания и тщательной критики²⁷. Второй — в диалоге Ломова с Егоровым по поводу психологии национальных отличий, которая активно развивается в США

²⁴ Стенограмма заседания Бюро Отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. (АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159. Л. 16).

²⁵ Доклад Б.Ф. Ломова на заседании Бюро Отделения философии и права АН СССР, 30 марта 1976 г. (Научный архив ИП РАН. Ф. 16. Оп. 3.2. Д. 215. Л. 22).

²⁶ Постановление Бюро Отделения философии и права АН СССР «О научной деятельности Института психологии АН СССР» 30 марта 1976 г. (АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 156. Л. 24).

²⁷ Стенограмма заседания Бюро Отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. (АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159. Л. 48).

и практически игнорируется в Советском Союзе²⁸. При этом ни тот, ни другой не расценивают события в Америке как сигнал тревоги.

Но именно так они воспринимаются в 1983 г. Первое упоминание США звучит в выступлении Ломова в связи с исследованием проблем общения: «То, что делается в этом направлении в нашем институте, оказало определенное влияние на работы наших зарубежных коллег как в социалистических странах (ЧССР, ГДР), так и в капиталистических (США, Норвегия, Финляндия)»²⁹. Внешне это упоминание не указывает на отставание, а, наоборот, говорит о способности советских психологов влиять на мировое развитие дисциплины, но в советском контексте оно звучит иначе. Необходимость специально говорить о том, что ведущий советский институт обладает влиянием в странах соцлагеря, показывает, что даже и в этой группе лидерство СССР перестает быть само собой разумеющимся. Влияние же на психологические исследования в капиталистических странах диссонирует с идеологической картиной: если советская психология — марксистская, а значит, разоблачающая буржуазную, то как первая может влиять на «развитие» последней? С учетом этого, казалось бы, дежурное сравнение Ломова становится симптоматичным: советская наука утрачивает идеологическое самомнение, что проявляется уже и на официальных мероприятиях.

Далее Ломов говорит о международном сотрудничестве, упоминая, что в том числе «активно развиваются связи» с капстранами, и первой среди них называет опять же США³⁰. Дело не в том, что связи с американскими учеными не могли развиваться семью годами ранее, но они вряд ли были бы упомянуты в официальном докладе на первом месте. Это еще одна деталь, указывающая на то, что ситуация изменилась: собственное положение ощущается все менее устойчивым, а конкурент, уходящий все дальше вперед, — как обладающий решениями, которые необходимо перенять.

Выступающий следом Д.М. Гвишиани делает акцент именно на отставании в компьютерной технике. И его выступление, и опубликованные работы [Гвишиани, 2007] позволяют охарактеризовать Гвишиани и Ломова как единомышленников. Оба считали, что будущее наук о человеке и обществе связано с расширением роли математики и компьютерной техники, оба видели в теории систем подходящую рамочную концепцию для придания единства становящимся все более разнородными гуманитарным дисциплинам и оба были сторонниками компромиссной линии между включением в западную науку и сохранением задела советской. Во время дискуссии вокруг выбора между продолжением советских разработок или переходом к копированию компьютеров IBM Гвишиани выступал за объединение усилий с европейскими компаниями, так же как и СССР, отстававшими от американцев, и даже сумел продвинуться в установлении такого партнерства. Однако в итоге решение все же было принято в пользу копирования [Gerovitch, 2008].

Судя по его выступлению, Гвишиани разделяет общее ощущение, что США уходят все дальше вперед и сократить этот разрыв можно только восприняв приносящие им успех стратегии. Он говорит об этом открыто, в частности, сравнивая

²⁸ Там же. Л. 89.

²⁹ Стенограмма заседания Президиума АН СССР. 26 мая 1983 г. (АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864. Л. 42).

³⁰ Там же. Л. 76.

положение исследований искусственного интеллекта в американской и советской психологии: «Я констатирую, что по ряду исследований, которые появились в последнее время в США на этот счет, мы даже не имеем постановки вокруг этих вопросов»³¹. А общее положение дел в психологии характеризует следующим образом: «Мы прямо скажем, что имеем опасность отставания здесь с США»³².

Американцы вновь всплывают в вопросе вице-президента академии геолога А.Л. Яншина, который интересуется тем, как можно очертить поле психологии, и в качестве примера упоминает, что «...в США все физиологи, занимающиеся вопросами нервной деятельности, числятся психологами и их насчитывается около 2 тысяч»³³. Гвишиани отвечает развернуто, в целом подчеркивая гибкость в определении психологического поля. Упомянув, в частности, проблему прогнозирования потребностей, он дает свой пример из американской практики: «Американцев коммерческие задачи заставляют этим заняться. Конечно, прямо взять этот инструмент нам трудно, но использовать много ценного, что там есть, мы обязаны»³⁴.

Американцы беспокоят и председательствующего. Обращаясь к Ломову, В.А. Котельников спрашивает: «Я взял из Комплексной программы данные 1975 года, что у нас было 280 специалистов по психологии, в Америке 62 000. Чем они там занимаются? И не тревожны ли эти цифры, что нам тут делать?» Ломов сразу же поправляет вице-президента: «Нужно внести маленькую справку: в Америке сейчас 110 тысяч, а нас сейчас уже около 5 000». И в целом его ответ на вопрос показывает, что эта тема хорошо ему знакома: «Психологи там работают в массе самых различных организаций, занимаясь довольно широким кругом проблем, начиная от экспериментально-психологических исследований, кончая медицинскими и прочими», — и приводит иллюстративный пример: «Мне приходилось бывать на фирме “Белл Телефон Кампани”, у них есть лаборатория в составе 15 человек, которая в то время изучала один конкретный вопрос: какова допустимая пауза между телефонным звонком и ответом абонента»³⁵.

Дальше выясняется, что не только директор Института психологии следит за американскими психологами — В.Н. Кудрявцев, юрист по специальности, поправляет уже Ломова: «110 тысяч включает Ассоциация психологов Соединенных Штатов. Но кроме этой Ассоциации психологов есть психологи в промышленности, в министерстве обороны в США. Поэтому насчитывается 200 тысяч человек»³⁶.

Ответ на вопрос, что заставляет ведущих ученых страны столь пристально всматриваться в американскую науку, также содержится в стенограмме. В репликах участников явно просматриваются признаки нарастающего общественного кризиса. Гвишиани говорит о проблеме самоубийств, отмечая, что оглашать эти цифры не может, но «у нас они высокие»³⁷. Котельников вспоминает про пьянство — «потери

³¹ Там же. Л. 88.

³² Там же. Л. 93.

³³ Там же. Л. 99.

³⁴ Там же. Л. 103.

³⁵ Там же. Л. 104.

³⁶ Там же. Л. 112.

³⁷ Там же. Л. 106.

от него, когда приводят цифры, очень большие»³⁸. Кудрявцев, характеризуя состояние дел с гуманитарной образованностью юридических кадров, замечает: «...эта грамотность, я бы сказал, на доисторическом уровне»³⁹. Помимо общего депрессивного фона, в документе также можно найти характеристику положения дел в Академии наук, данную ее вице-президентом. Речь идет о ключевой для научно-исследовательской отрасли кадровой проблеме: «Решением ЦК и Совмина нам велено сократить численность в этой пятилетке. Что мы можем сделать? Взять у одних и дать другим? Это делать мы не можем». И далее: «Мы создаем новые подразделения по настоянию горкома, ведомств, но потом Комитет нам на это кадров не дает, а говорит: берите из своих». Резюме: «С кадрами дело плохо»⁴⁰.

Невозможность наращивать численность кадров — неприятная ситуация для любой отрасли, однако для науки эта проблема имеет особенно острый характер. Логика любого динамичного исследовательского направления необходимо требует роста числа исследователей, так как любое продвижение вперед открывает множество линий дальнейшего развития, отказ от разработки которых часто влечет потерю отдачи от даже уже имеющихся результатов — к сожалению, частая ситуация в истории отечественной науки [Graham, 2013].

Прекращение роста не могло не сказаться и на ИПАН. К примеру, в области инженерной психологии институт располагал серьезными наработками по проблемам взаимодействия оператора с машиной, иными словами — по проблемам интерфейса. В начале 1980-х гг. эти наработки имели ограниченную область применения: психологический анализ взаимодействия человека с оборудованием (за пределами учета физиологических параметров), который, как правило, давал улучшение показателей реагирования в секунды или даже в доли секунды, выглядел оправданным только в случаях, когда оборудование служило предотвращению катастроф, как, например, в авиации, атомной энергетике или в дорожном контроле. Однако по мере развития компьютерной техники эти вопросы стали центральными для всей индустрии персональных компьютеров, в которой такие параметры интерфейса, как, например, интуитивная очевидность и разница в скорости реагирования даже в микросекунды, стали значимыми. То, что Ломову запомнилась лаборатория «Белл», работавшая над проблемами психологической переносимости ожидания, говорит в пользу того, что он, по-видимому, ясно различал перспективное направление развития своего профильного направления. Как, впрочем, и Гвишиани, который говорит о необходимости «усилить внимание к разработке операторской деятельности, совершенствованию методов ее анализа и проектирования»⁴¹, а затем, очерчивая круг вопросов, связанных с ЭВМ, указывает «взаимодействие человека с машиной» и «облегчение диалога»⁴².

³⁸ Там же. Л. 105.

³⁹ Там же. Л. 109.

⁴⁰ Там же. Л. 118.

⁴¹ Там же. Л. 85.

⁴² Там же. Л. 88.

Заключение

Сравнение двух стенограмм дает отчетливое понимание стратегии, которой придерживался Ломов в продвижении психологии. Эта стратегия была аналогичной тем, которые широко использовались в естественных науках, обосновывавших необходимость собственного развития, апеллируя главным образом к результатам, которые нашли практическое применение. Для гуманитарных наук, в том числе психологии, такой путь всегда был затруднительным. В подавляющем большинстве случаев они не имели возможности получать результаты с теми уровнями точности и воспроизводимости, которые необходимы для создания технологий, и к тому же концентрация на технологической линии может уводить их от другого рода задач — тех, которые связаны с пониманием. Исследованиям, ставящим целью понимание изучаемых процессов, далеко не всегда нужна абсолютная достоверность: во многих случаях им достаточно быть убедительными. Способность психологии создавать такого рода объяснения была востребована в том числе и со стороны идеологии, и показательно, что в случае с психологической наукой связь с идеологией не только не заблокировала ее развитие, но и позволила создать оригинальную культурно-историческую школу, получившую признание в том числе и в западных странах.

Однако Ломов все же считал более перспективным продвижение направления, связанного с технологиями. Этой линии он придерживается, выступая и среди гуманитариев, и среди лидеров естественной науки. У последних его подход находит больше понимания, однако дискуссия с руководителями Академии показывает, почему эта стратегия была рискованной: психологическим исследованиям чрезвычайно сложно соответствовать критериям, которые привыкли предъявлять к научным результатам естествоиспытатели, — универсальности, точности, быстрой практической отдачи. Но в целом стратегия Ломова определенно находит поддержку у ведущих советских ученых, в том числе и благодаря его восприимчивости к западным, в первую очередь американским, образцам. На рубеже 1970–1980-х гг. отношение к США явно изменилось, и дискуссия в президиуме передает ощущение критического отставания советской науки от главного конкурента, что совершенно не чувствуется по стенограмме заседания бюро Отделения философии и права.

При этом американские наука и техника были в центре внимания ученых на протяжении практически всего советского периода — эта тенденция особенно усилилась после войны, когда вопрос воспроизведения американских военных технологий стал жизненно важным, а в хрущевский период была официально закреплена в призыве «уметь, если нужно, учиться у капиталистов»⁴³. Собственно, в это время и сложилась программа инженерной психологии Ломова, которая в значительной мере опиралась на американские источники [Коннов, 2020]. Но, несмотря на соответствие официальной политике, эта линия не могла избежать трений со сложившейся школой марксистской психологии.

Как говорилось выше, ситуация имела общие черты с тем, как шло развитие компьютерной техники. В определенный момент руководителям научно-технической политики пришлось делать выбор между ставкой на собственные разработки или на внедрение американских образцов, что позволило бы сэкономить ресурсы.

⁴³ Хрущев Н.С. Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством // Правда. 1962. 20 ноября. С. 3.

Похожая логика просматривается и в создании в Академии наук Института психологии под руководством главного специалиста по инженерной психологии, явно настроенного на сближение с западными течениями и ориентированного на практическую отдачу от психологических исследований. Характерно, что именно такие требования по факту предъявляют Ломову руководители академии: внимательно следить за развитием дел у стратегического противника и обеспечивать максимальную отдачу от психологических разработок.

В исторических исследованиях развития вычислительной техники часто можно встретить мнение, что выбор в пользу воспроизведения был ошибочным, подтверждением чему служит фактический крах советской электронной промышленности. Подобная расстановка причин и следствий выглядит не слишком убедительной; логичнее расценивать упадок электронной промышленности как одно из следствий общего кризиса, завершившегося распадом Советского Союза [Абрамов, 2017]. Более того, явно неоправданно приписывать советским сторонникам использования американских образцов промышленную политику 1990-х гг., которая сделала нормой ликвидацию неконкурентных отраслей промышленности в пользу закупки зарубежной готовой продукции.

В психологии в определенном смысле проявились аналогичные тенденции. Ломовская программа предполагала внедрение психологии в производственные цепочки самых разных отраслей — космической, оборонной, производственной — и фактически была обречена на сворачивание в условиях их обвального сокращения. Но эта стратегия, безусловно, представляет исторический интерес как уникальный пример функционирования развитой психологической дисциплины в рамках централизованной экономики. В условиях же наметившегося роста отечественного производственного сектора она может вызвать интерес и как образец продвижения психологии за счет аккумуляции ресурсов разных социально-экономических секторов — научного комплекса, производственных предприятий, оборонной отрасли и др. В этом смысле опыт Ломова именно как успешного в свое время «промоутера» психологии может оказаться интересным для современных лидеров психологической науки.

Источники

Диалектический и исторический материализм / Общ. ред. С.М. Ковалева. М.: Политиздат, 1971. 367 с.

Доклад Б.Ф. Ломова на заседании Бюро Отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. (Научный архив ИП РАН. Ф. 16. Оп. 3.2. Д. 215).

Основы марксистско-ленинской философии. 2-е изд. М.: Политиздат, 1972. 544 с.

Постановление Бюро Отделения философии и права АН СССР «О научной деятельности Института психологии АН СССР» 30 марта 1976 г. (Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1844. Оп. 1. Д. 156. Л. 17–25).

Стенограмма заседания Бюро Отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. (РАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159).

Стенограмма заседания Президиума АН СССР. 26 мая 1983 г. (РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864).

Хрущев Н.С. Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством // Правда. 1962. 20 ноября. С. 1–5.

Литература

Абрамов Р.Н. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса» // Социология науки и технологий. 2017. № 2. С. 61–78.

Вишиани Д.М. Избранные труды. М.: КАНОН+, 2007. 524 с.

Кембриджская школа / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 628 с.

Коннов В.И. Инженерная психология в культурном контексте советской науки 1960-х гг.: опыт исследовательской программы Бориса Ломова // Концепт: философия, религия, культура. 2020. № 4. С. 17–30.

Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1976. 247 с.

Ломов Б.Ф. Психологическая служба страны // Вестник АН СССР. 1980. № 1. С. 20–30.

Ломов Б.Ф. Психология в системе наук и в общественной практике // Вестник АН СССР. 1979. № 10. С. 35–45.

Ломов Б.Ф. Развитие техники и проблемы психологии // Вестник АН СССР. 1981. № 2. С. 30–40

Малиновский Б.Н. История вычислительной техники в лицах. Киев: КИТ, А.С.К., 1995. 384 с.

Сэв Л. О структурализме // Проблемы мира и социализма. 1971. № 6. С. 79–83.

Gerovitch S. InterNyet: Why the Soviet Union Did Not Build a Nationwide Computer Network // History and Technology. 2008. Vol. 24. No. 4. P. 335–350.

Graham L. Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge: The MIT Press, 2013. 216 p.

Positioning and Perceiving Psychology in the Soviet Scientific Community: Based on 1970–1980s Archives of the Academy of Sciences

VLADIMIR I. KONNOV

MGIMO University,
Moscow, Russia;
e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

ARTEM A. KOSTRIGIN

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: artdzen@gmail.com

Adopting the methodology of intellectual history, the article aims to form a context-rich understanding of the development of Soviet psychology in the period of the 1970s — 80s. This approach allows to characterize the key statements that made up the discourse of psychology of this period as actions in the socio-political field. A pathway to this goal is provided by the available transcripts of meetings held within the divisions of the Academy of sciences dedicated to psychological research. We examine the transcripts of two meetings dedicated to the findings of the commissions which inspected the academy's Institute of psychology. The first of these commissions reported its findings in 1976 to the

bureau of the Department of philosophy and law, the second in 1983 to the Presidium of the academy. When considered in comparison the transcripts reveal two themes. The first one is the difference in the positioning of psychology in the humanities and social sciences community and in the scientific community encompassing all the disciplines. The discussion in the Department of philosophy and law demonstrates that Soviet scholars were predominantly focused on their contributions to ideology, both in terms strengthening its position within research disciplines and expanding its overall influence. The strategy promoted by the director of the Institute of psychology B.F. Lomov, which focused on practically applicable results, differed from the standard approach, and was perceived with skepticism. However, in the presidium, which was dominated by representatives of natural sciences, this strategy was the most common one. The second theme is the changes in the sociopolitical background, which significantly influenced the self-perception of Soviet scientists. While the 1976 transcript conveys a general sense of self-confidence, the 1983 document is characterized by anxiety which is intensified by constant comparisons with the United States and the fact that Soviet science was lagging behind and the lag was becoming critical. Against the background determined by these themes, Lomov's strategy for the promotion of psychological research appears exceptionally stable and impervious to the significant changes either in the institutional environment, or the sociopolitical background.

Keywords: soviet psychology, history of psychology, Institute of psychology RAS, psychology and society.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant no. 18-78-10123.

References

- Abramov, R.N. (2017). Sovetskiye tekhnokraticheskiye mifologii kak forma “teorii upushchennogo shansa” [Soviet technocratic mythologies as a form of the “lost chance theory”], *Sotsiologiya nauki i tehnologii*, 8 (2), 61–78 (in Russian).
- Kovalev, S.M. (Ed.) (1971). *Dialekticheskiy i istoricheskiy materializm* [Dialectical and historical materialism], Moskva: Politizdat (in Russian).
- Doklad B.F. Lomova na zasedanii byuro otdeleniya filosofii i prava AN SSSR, 30 marta 1976 g. [Report of B.F. Lomov at the meeting of the Bureau of the Section for Philosophy and Law of the AS USSR, March 30, 1976], *Nauchnyy Arkhiv IP RAN*, f. 16, op. 3.2, d. 215 (in Russian).
- Gerovitch, S. (2008). InterNyet: Why the Soviet Union Did Not Build a Nationwide Computer Network, *History and Technology*, 24 (4), 335–350.
- Graham, L. (2013). *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Cambridge: The MIT Press.
- Gvishiani, D.M. (2007). *Izbrannyye trudy* [Selected works], Moskva: KANON+ (in Russian).
- Atnashev, T., Velizhev, M. (Comp.) (2018). *Kembridzhskaya shkola* [The Cambridge school], Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).
- Khrushchev. N.S. (1962). Razvitiye ekonomiki SSSR i partiynoye rukovodstvo narodnym khozyaystvom [Development of the economy of the USSR and party management of the national assets], *Pravda*, November 20, 1–5 (in Russian).
- Konnov, V.I. (2020). Inzhenernaya psikhologiya v kul'turnom kontekste sovetsoy nauki 1960-kh gg.: opyt issledovatel'skoy programmy Borisa Lomova [Engineering psychology in the cultural context of the Soviet science of the 1960s: The experience of Boris Lomov's research program], *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, no. 4, 14–30 (in Russian).

Kuz'min, V.P. (1976). *Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa* [The systems principle in the theory and methodology of K. Marx], Moskva: Politizdat (in Russian).

Lomov, B.F. (1979). *Psikhologiya v sisteme nauk i v obshchestvennoy praktike* [Psychology in the system of sciences and in the social practice], *Vestnik AN SSSR*, no. 10, 35–45 (in Russian).

Lomov, B.F. (1980). *Psikhologicheskaya sluzhba strany* [The country's psychological service], *Vestnik AN SSSR*, no. 1, 20–30 (in Russian).

Lomov, B.F. (1981). *Razvitiye tekhniki i problemy psikhologii* [The development of technology and problems of psychology], *Vestnik AN SSSR*, no. 2, 30–40 (in Russian).

Malinovskij, B.N. (1995). *Istoriya vychislitel'noy tekhniki v litsakh* [The history of computing technology in faces], Kiev: KIT, A.S.K. (in Russian).

Osnovy (1972) marksistsko-leninskoy filosofii [The fundamentals of the Marxist-Leninist philosophy], 2nd ed., Moskva: Politizdat (in Russian).

Postanovleniye byuro otdeleniya filosofii i prava AN SSSR "O nauchnoy deyatel'nosti Instituta psikhologii AN SSSR" 30 marta 1976 g. [Ruling of the Bureau of the Section for Philosophy and Law of the AS USSR "On the scientific activities of the Institute of Psychology AN USSR", March 30, 1976], *Arkhiv RAN*, f. 1844, op. 1, d. 156, l. 17–25 (in Russian).

Seve, L. (1971). O strukturalizme [On structuralism], *Problemy mira i sotsializma*, no. 6, 79–83 (in Russian).

Stenogramma zasedaniya byuro otdeleniya filosofii i prava AN SSSR 30 marta 1976 g. [Minutes of the meeting of the Bureau of the Section for Philosophy and Law of the AS USSR, March 30, 1976], *Arkhiv RAN*, f. 1844, op. 1, d. 159 (in Russian).

Stenogramma zasedaniya Prezidiuma AN SSSR 26 maya 1983 g. [Minutes of the meeting of Presidium of AS USSR, May 26, 1983], *Arkhiv RAN*, f. 2, op. 1, d. 864 (in Russian).